

Нина Васильевна Бельцева (г. Родники)

...Когда отца, Василия Александровича Любимова, призвали на фронт в декабре 1941 года, мама Прасковья Ивановна осталась одна с четырьмя детьми. Брату Евгению исполнилось уже 12 лет, Модесту – восемь, мне три, а маленькому Володе всего год. Когда-то у родителей была ещё одна дочь, но она умерла в младенчестве ещё до моего рождения, и меня назвали в память о ней – Нина.

До войны семья ни на что не жаловалась: родители начали строить дом – он потом так и стоял недостроенный, купили тёлочку, чтобы вырастить корову... Без отца же жить стало очень тяжело, бедно и голодно, хотя без дела никто оставался... Евгений работал уже как мужик, шел за плугом... Мама всю войну – как и всю жизнь – трудилась в колхозе дояркой. Вставала в четыре утра, будила меня, и мы рядышком шли к коровам. Дома ее не застать – на ферме или в поле от зари до ночи. А я помогала ей, как она меня учила: не сразу, став постарше, самостоятельно доила четыре или пять коровочек своими детскими ручонками... Поесть или попить захочу, попрошу, и мама зачерпнет молока из подойника, только чтобы никто не видел; даст - и торопит: «скорее...». Потом только я узнала, что это было запрещено - ведь всё молоко сдавали государству. Но все равно так поступали в деревне и другие женщины с детьми... Спасали нас, как могли...

Очень бедно жили, очень... Когда сейчас начинают жаловаться на жизнь, хочется этих жалобщиков хотя бы на три дня отправить туда, в наше детство. Чувство голода у меня до сих пор сохранилось, как и бережливое отношение к любой еде... Огород огромный держали, но мы, дети, не имели права ни морковку оттуда сорвать, ни картошинку. А то все обдерем, а как дальше жить?... Зимой ещё как-то перебивались, а весной становилось невмоготу. И мы собирали замороженную мягкую картошку в колхозном поле. До сегодняшнего дня помню вкус лепешек, которые мама готовила из этой картошки - тошнотиков. Не приведи Бог, чтобы это повторилось! И это все не только про нашу семью, но и про всю деревню...